

А не простите — наплевать!

Моя театральная деятельность началась в первом в России детском музыкальном оперном театре «Водевиль» в 1915 году, и в афишах меня именовали «Малолетний куплетист Володя Коралли». (Об этом вспоминает Игорь Владимирович Нежный в своей книге «Былое перед глазами», Москва, ВТО, 1965 год).

Мы, дети, по-своему откликались на события жизни тех лет. Когда в феврале 1917 года было объявлено о падении царского режима, а в разговорах и газетах замелькало слово «свобода», то молодой одесский поэт Макс Поляновский сразу же написал для меня текст песни, положенный на маршевую музыку:

*Братья! Праздник великий у нас.
Славьте хором столь радостный час.
Мы свободны теперь — пойдем вперед
За Русь, за великий народ... и т. д.*

А когда грянул Октябрь и Ленин провозгласил: «Революция, о которой говорили большевики, — свершилась!», то уже в тот же день один из самых популярных одесских куплетистов, используя лозунг эстрады «Утром в газете — вечером в куплете», — Лев Маркович Зингерталь пел:

*...«Он бросил всем радостный клич!
...А ГИТ ЕНТЫВ (с праздником), Владимир Ильич!»*

А в годы интервенции, когда власть менялась чуть ли не каждые два-три дня, Зингерталь пел уже другие куплеты:

*Когда был Николай, мы не имели права
жительства!
Повсюду нас гоняло только их —
Превосходительство!
Когда же к нам свобода неожиданно
пришла, —*

То, я вас только спрашиваю, — что она дала?

В отличие от многих других искусств, Эстрада всегда была злободневной. Память возвращает меня в те незабываемые годы. Под собственный аккомпанемент гитары пел несравненный куплетист Павел Троицкий. Перед исполнением куплетов он обычно создавал образы тогдашних ораторов на многочисленных митингах (вот один из таких на собрании переплетчиков):

«Товарищи переплетчики! Мы должны бороться борьбической борьбой — до последней капли клейстера! И приклеить старый режим к новому переплету».

*Кричат «долой!» повсюду.
Бастуют, прямо срам.
А бьют нас, как посуду, —
На фронте, здесь и там.
Везде грабеж, нахальство,
Не мил стал божий свет.
Коль трудно без начальства,
Я дам тебе совет:*

Со всеми будь «товарищем», и больше ничего...

Под дальний гул орудийной канонады из Одессы уходил последний пароход в Константинополь с остатками деникинской армии. На этот же пароход погрузились корифеи дореволюционной эстрады Иза Кремер, Юлий Убейко, Александр Вертинский и Павел Троицкий. На окраине города появились первые части кавалерийской дивизии Григория Ивановича Котовского...

...В пятидесятых годах у одного из старейших букинистов в книжном магазине у памятника Федорову я нашел маленький сборник (как он сохранился-то?) из репертуара Сергея Сокольского («Центросмех»). Сергей Сокольский. Издание И. Ждарского, Петроград), а в нем

Обращение к «товарищам» (воспроизвожу, как в сборнике, по старой орфографии)

*Да, каюсь: грешен я в своей миссии,
Я оть «товарище» такихъ былъ вдалеке:
Когда они делили жизнь России,
Я пьянствовалъ съ друзьями въ кабаке.
Когда «товарищи» сажали на колъ
Страну родимую въ безумья часъ,
Я популярными глазами плакалъ,
Не въ силахъ будучи ни чемъ помочь.
Когда «товарищи» долой кричали
(А что «долой?» не знали и они)
Я пребывалъ въ томительной печали,
Взирая съ ужасомъ на эти дни.
Да, каюсь: я лишень отваги,
Я трусости не въ силахъ дать отпоръ.
И въ красные не верю больше флаги,
Какъ верилъ свято до сихъ поръ.
Не верю я, что будетъ братство,
А равенство? темъ более у насъ:
Какъ звери мяса, жаждутъ все богатства
И бедный и богатый классъ:
Все жаждутъ власти, хищными руками
Хватаютъ все, что только попадетъ
И топчутъ въ грязь цинично каблукими
Все то святое, что такъ долго ждалъ народъ.
Да, каюсь: я себя проверилъ,
Другимъ я сталь, доверчивости нетъ
И въ то, во что въ дни юности такъ верилъ,
Не верю больше в сорокъ летъ.
Что жъ тутъ виною? новая ли эра,
Событій ли грядущихъ часъ?
Но въ томъ, что у меня пропала вера,
Вино, «товарищи», я въ этомъ только васъ.
Да, васъ, «товарищей», вездѣ кричащихъ,
Опровергающихъ порядокъ и покой...
Васъ, на витрины съ жадностью смотрящихъ,
Тянущихъ къ нимъ грязною рукой.
Вы довели, что русские народы
Въ презрѣнии на Западе живутъ:
Вы подорвали намъ «заемъ свободы»
И растоптали весь свободный трудъ...*

* * *

*Виновны вы! Откуда вы явились?
Кто вызвалъ васъ предателями изъ тьмы?
Къ чему вы намъ въ Республице свободной?
На что вы намъ, партийные дельцы?
Что ищите в стране голодной?
Что жаждете украсть? Такъ, молодцы,
Идите вы туда, откуда явились,
И скатертью дорога вамъ одна.
Мы одни-бы лучше потрудились,
Безъ васъ бы обошлись, господа.
Я, разумеется конечно, каюсь
И извинения прошу у васъ:
Но откровенно вамъ сознаюсь:
Ох, не люблю, «товарищи», я васъ!
Вы откровение мое поймите,
А не поймете, буду горевать.
Еще разъ убедительно — простите,
А не простите... наплевать!*

С приходом Советской власти в Киев Сергей Сокольский был расстрелян.

Владимир КОРАЛЛИ.